

Из одного гнезда птенцы,
да в разные стороны птицами разлетаются.

Бытие рыжих лебедей

I

Во времена оные, незапамятные, когда за Каменный пояс — Урал — перевалили отважные русские казаки вольницы Ермака Тимофеевича, закрепляясь на берегах Иртыша и Тобола, появились в Сибири первые казачьи поселения — станки, городища, а много позднее — станицы.

Одной из таких станиц был Таштып у синих гор Саянских.

Проживал в Таштыпе казак Василий Васильевич Лебедь, из донских. Служил он верою и правдою царю и отечеству в Крыму, где сыскал себе красавицу-женушку из семьи бедного столяра, да и сам не из богатых был; выпало ему на долю быть первым в боях с японцами в Южной Корее, где его контузило от взрыва снаряда. И говорил потом рыжий казачина: кабы не командующий генерал, который не подбросил подмогу русскому гарнизону, то он, славный донской казак, вернулся бы в отчий курень не рваным и драным, а непременно в Георгиях и звонких медалях.

Тем временем в родной станице Качалинской на берегу Верхнего Дона братья Василия поделили имущество и землю, и битому вояке мало чего досталось. Встретила его женушка, Анастасия Евстигнеевна, с тремя сынами: Василием, старшим, названным в честь деда, как шло из рода в род у Лебедей, головастым Ноем, нареченным именем прародителя рода людского, и малым пятилетним Иваном — вот и все богатство, да еще мазанка отца, старого Лебеда, с матушкой Марфой Никитичной, а на базу — один конь, тупорогий вол да еще пестрая буренушка.

Два брата служивого успели обжить собственные курени, отделившись от старого Лебеда, два других — женились на богатых казачках и ушли из дому. Еще до того, как вернулся служивый из чуждадельной Маньчжурии, сыновья его успели побывать в Юзовке на шахте, да ничего не заработали — уголек-то горькой солью оmyвается, а не деньгами для углекопов.

Созвал престарелый рыжий Лебедь сынов своих на семейный совет и сказал так:

— Все вы для меня и матери как вот пять пальцев на руке — не оторвать без боли и крови ни единый. Одначе, Григорий, и ты, Михаил, заобидели старшего брата, имя которого мое, как он первым народился, и по роду нашему — глава куреня. Али забыли то?

Рыжебородые братья — плечо к плечу, чуб в чуб, не забыли то, но в чем виноватит их батюшка?

— Гутарю я, вы слушайте! — призвал старик сынов, расправив надвое длинную, огненную бороду. А на груди его вся выкладка из крестов полного георгиевского кавалера, ордена Болгарии за освобождение от ига турецкого, а через плечо по старому мундиру — георгиевская лента о трех черных и двух желтых полосах с бантом. — Наш род, сыны мои, с испокон века славен воинством, не богатством. Нету такой войны, в которой не воевали бы Аленины-Лебеди за землю русскую. Вышел из нашего куреня Алениных, какая у нас была фамилия до того, как стали звать нас Лебедями, Яремей сын Тимофеев, атаман знатный. Сказывают, будто род Алениных почался от самых первых казаков, какие за сто годов до царствия Ивана Великого пришли на Дон и тут жить стали.

Яремей, а как по прозвищу — Ермак, третьим был сыном у Тимофея Аленина, самым отчаянным. Созвал батюшка сыновей в курене и повелел вынуть по пруту из веника. У кого будет короткий прут, тому уйти из куреня в Астраханское воеводство, которое охраняло Дон от бусурман-турок и от татар крымских. Вынул Яремей короткий прут, ушел в войско, удалью и смелостью прославился, атаманом стал; награду поимел от воеводства — шашку турецкуюковки дамасской в золоте с прописью. Как было потом, никто не ведает: ушел из войска Яремей Тимофеевич, на Волге вольницу отчаянных людей собрал, на стругах летали, боярские и царские вотчины щупали, за что и били их не малым числом. Сам Иван Грозный повелел лютой казнью порешить всех, особо назвав атаманов: Ермака, Ивана Кольцо и Матвея Мещеряка из станицы Качалинской, от которого род ведет наш станичный атаман, Григорий Анисимович, неслыханно разбогатевший конным заводом на казенных землях.

Приметил Ермака башковитый Строганов — на Урале заводы имел, соль варил, железо ковал и торг вел с кучумской Сибирью. Сказал Строганов Ермаку: ступай с вольницею за Камень — там земля сибирская под бухарским Кучумом-ханом. Нету, говорит, на

той земле ни ладу, ни складу: кучумцы бусурманскому Магомету молятся, а дикари-сибирцы зверю и лесу, ясак не платят, богатства ногами топчут. Без той земли, говорит Строганов Ермаку, не жить России — простору не будет. Завоюй для царства Сибирь — и милости великой сподобишься.

И пошел Ермак с казаками и атаманами за Урал-Камень воевать того Кучума. Четыре года бились, потеснили войско орды, да не уберегся атаман: кучумцы подстерегли, напали на сонных, и утонул наш Ермак Тимофеев в Иртыше. В песнях навек прославился, а Сибирь прислонилась к царству Российскому.

II

— А теперь слушайте далее, сыны мои! Жили мы кураем у отца: пятеро братьев, как вот вы у меня, да еще четыре сестры. Хоть и немало повоевали Лебеди за землю русскую, а богатства не завоевали. Отчего? Что приплыло от воинских почестей, то и уплыло само собой, как Дон воду несет к богатым низовским станицам. А земли наши известны, и промысла нету!

Созвал нас батюшка на совет, и долго мы гутарили: как и чем жить? На богатых ли станичников горбиться али в шахты уйти, как внуки два года мытарилась и рваными вернулись? И тогда сказал отец мой, который опосля Крымской войны из Севастополя вернулся при наградах и четырех раненьях: «Корень наш от Ермака по земле Сибирской, и не след нам, Лебедем, забывать про ту землю».

Рыжие чубы повисли вниз...

— Как Ермак со своими братьями, тянули мы прутики из венника. Дяди ваши — Кондратий и Леонтий — вынули короткие; еще до чугулки поехали со скарбом в Сибирь — мы отдали им все, што имели, как деньгами, так и добром. Знаете, живут теперь в станице Таштып, и не жалуются, и стала им земля сибирская родней донской. Али не так?

Приздумались братья Лебеди.

Старый Лебедь поглядел на каждого из сынов, погладил раздвоенную бороду, будто пламя разметнул, уставился на малого Ноя; а этот малый, не обиженный Богом силушкой, на пятнадцатом году вскидывал на плечо чувал с пшеницею в шесть пудов и не гнулся.

— Ноюшка, подь ко мне!

Братья Лебеди догадались: пошлет за веником...

Старого Лебеда опередил Василий.

— Не будем тянуть жребий, батюшка, — сказал он, выдержав суровый взгляд отца. — Братья своими куренями живут, и для них-то земли мало. К чему им трогаться? Ехать надо мне с семьею.

— Ай! — вскрикнула Анастасия.

— Видит Господь, от сердца говорю, старший сын мой, пусть будет так, — ответил старый Лебедь. — И не станет меж братьями злобы, а дружба восторжествует. А вы, сыны мои, остаетесь здесь, на славном Доне, окажите помощь старшему брату. Соберите деньги, кто сколько может, выделите что из скарба, скотины, имущества. У кого нету денег — займите. А я пропишу братьям в Таштып. — Глянул на седенькую жену Марфу Никитичну: — Вынь из мово сундука шашку Яремееву, Евангелие, какое носил с собой всю турецкую кампанию, с иконкой Богородицы, отца моево.

Старуха принесла из маленькой горенки шашку, завернутую в отбеленный холст, Евангелие с иконкой Богородицы и положила на стол перед хозяином куреня.

Старик вылез из застолья, развернул шашку, держа ее на вытянутых руках, подозвал Василия:

— Перекрестись, сын мой.

Василий перекрестился.

— Передаю тебе боевую шашку Яремея Аленина, яко Лебеда. Не потреби ее во зло.

Василий принял шашку, поблагодарил отца за доверие, поцеловав золотой эфес.

— Ежли призовут на войну сынов твоих, — наказывал старый Лебедь, — передашь Ною; к нему имею великое доверие; не забывай то.

— Не забываю, батюшка, — ответил Василий.

Старик взял Евангелие с иконкой, подошел к Ною, положив руку на его плечо, сказал:

— Сие Писание, Ноюшка, с ним я гнал турков из Болгарии и немало видывал смертей и баталий. Передаю тебе с иконкою, и ты помни то в Сибири! Блюда слово Господне — не забывай всеу других людей.

— Я и так никого не забываю, — ответил внук.

— Знаю то! Господи! Кабы не бедность наша, послал бы тебя в Войсковое училище, и стал бы ты славный офицер для державы. Ну да доброе сердце подскажет тебе линию жизни. Таперь идите, сыны, с Богом. За неделю собрать надо Василия. До Воронежа проходим. А тебе скажу, невестушка Анастасия, не точи слезы: в Сибири не одни каторжные и ссыльные проживают. Василий знает, какую неслыханную смелость и геройство показали они на японской.

III

Василий Лебедь с сыновьями и женушкой Анастасией Евстигнеевной отбили поясной поклон Дону и поехали на двух бричках лицом к восходу солнца — в Сибирь. На чугушке погрузились в товарный вагон вместе с двумя разномастными конями, коровою, нетелью, скарбом и немало времени тянулись эшелоном в просторные земли за Уралом. От Красноярска плыли на пароходе до Минусинска по Енисею, а окрест лохматилась желтая осень. И тайга подступала к берегам, какую во снах не видывали. Потом на бричках дорога в Таштып. Ковыльные степи, серебриющиеся на солнце, где нагуливались отары овец и косяки лошадей, а деревня от деревни — семь верст киселя хлебать. На пашнях шатрами возвышались суслоны и скирды хлеба, стога сена по долинам. Дух захватывало от размашистого простора, невиданного на Дону.

Дяди — Кондратий и Леонтий Васильевичи, — такие же рыжие, как и старый Лебедь, встретили племянника с семьею гуляньем на целую неделю; жили они справно, в крестовых домах, а в надворьях — амбары с хлебом, скотные дворы.

Приписался Василий Лебедь к Енисейскому казачьему войску, сменил красные лампасы на желтые. За два года поставили пятистенный дом — благо лес был под рукою — кедровый, сосновый, — живи не тужи!..

Прибавлялась семья. Одна за другой появлялись на свет люди твоя, Господи, женского полу: Харитинья, Лизавета, Анна, Прасковья, и на исходе бабьего века народилась Евлампия, которая, не прожив трех недель после крещения, была «заспана» матерью — о чем не очень-то сокрушался отец.

По семнадцатому году богатырской силушки сын Ной в горном Урянхайском крае, где казаки несли пограничную службу, подру-

жился с отчаянным лощманом, гонявшим салики по бурным и опасным рекам двуглавого Енисея — Бий-Хему и Каа-Хему, и до того наторел в плаванье, что век бы не расставался с диким краем, где проживали сойоты в берестяных и войлочных чумах, а среди них русские поселенцы из староверов, некогда бежавшие от православной церкви и самодержавии. Вольной волюшки набрался Ной по самую маковку. И действительную службу довелось ему отбыть в Урянхое, в казачьем гарнизоне Белоцарска.

Шли годы. Обжились Лебеди в Таштыпе. Замылся в памяти отчий курень старого Лебеда, умершего в Качалинской, и давно отошла с миром матушка Василия Васильевича, да и с братьями разминулся. Мужали сыновья, отбыв действительную службу. Старший, Василий, женился на сибирской казачке — у батюшки Лебеда появились внучки. Жить бы миром и согласием, да самодержец всея Руси, помазанник божий царь Николай Второй призвал казаков первой очереди в армию.

Было Василию двадцать шесть лет от роду, Ною — двадцать четыре.

И сказал рыжий батюшка Лебедь сынам: свое никому не отдавайте, чужого на погляд не берите и не вводите себя в искушение — грех будет. Служите верою и правдою царю и отечеству, как я служил, как отец мой служил.

— И если почнется война с проклятуцим кайзером Вильгельмом, не последними будьте в казачьем полку. Лебеди завсегда должны быть первыми, — напутствовал отец. — А еще скажу вам: держите шашки всегда вострыми и поезжайте с богом и родительским благословением.

Батюшка Лебедь торжественно передал шашку Яремея сыну Ною, как и заповедовал ему отец.

Братья Лебеди оседлали откормленных гнедых коней, поклонились в ноги отцу, Ной принял из рук матери дедушкино Евангелие и малую иконку Богородицы, а Василий простился с женошкой и двумя малолетними дочерьми. Ной облобызался с крестной, бабушкой Татьяной Семеновной. Напутствуя крестника на ратные подвиги, она самолично проверила казачье снаряжение — седла, потники, подковы, подпруги, ремни шашек и даже темляки на эфесах. Поклонились рыжечубые отчому дому, надворью, а тогда уже сумрачным, лохматым Саянам, где немало охотились и добывали зверя.

Любовью и разлукой светился тот день в истоке, когда братья вывели из ограды коней под седлами и ускакали на сбор к станичной управе.

Батюшка Лебедь наказал домашним: три дня ворота не закрывать, а у самого захолонуло сердце: старший сын Василий — казак надежный, а вот головастый Ной чуток подпорченный, на полевых ученьях не шибко старался, водил дружбу с поселенцами и ссыльными; ох уж эта Сибирь каторжная! Как бы греха не вышло.

IV

И вот она — война с Германией!..

Хлеба шли в налив, нескошенные травы пенились под ветром, а в станице — мобилизация.

Сполоснулась станица слезами казачек, солдаток и малых детушек.

Кому-то война выкинет козырную карту — живым быть, кому-то с мелкими козырями — калекой остаться, а кому-то бескозырное — аминь отдать.

В доме Василия Васильевича Лебеда печаль гнездо свила, и никто не знал, каких она птенцов высидит: черных воронят или сизокрылых голубей?

Кому угадать судьбу свою?..

В мокропогодное сентябрьское утро переступил порог дома Лебедей станичный почтальон в дождевике, с сумкой. И по тому, как он виновато вошел в переднюю избу, сняв старый картуз, перекрестился на иконы, у батюшки Лебеда подмыло душу — не иначе как черный пакет принес.

Так и есть: два казенных конверта! Одно в траурной рамке — извещение о гибели. Василия или Ноя? Другое в конверте под пятью сургучными печатями.

Слышно было, как хлестал дождь за окнами и в палисаднике пошумлиwała отлинялая черемуха да тикали настенные ходики, а в голове у батюшки Лебеда вскипало горе: убит, убит! Один или оба?!

— Дай, Анастасия, ножик, конверты вскрыть, — супругу свою он всегда называл Анастасией, не мельчил имени.

Маленький листок бумаги, отпечатанный в типографии и заполненный писарской рукой черными чернилами: «Ваш сын, Василий Васильевич Лебедь, казак 1-го Енисейского полка, в бою с неравными силами противника пал смертью храбрых...»

Анастасия истошно завопила. У батюшки Лебеда бумага выпала из рук. Невестка, вскрикнув, упала возле стола.

Свершилось! Высиделся в гнезде печальный черный ворон! Овдовела Натальюшка с двумя дочерьми, едва почав трудный бабий век.

А дождь хлещет, хлещет, черемуховые ветки шелестят по стеклам, и так-то тошно батюшке Лебедю! Вертит в пальцах пакет за сургучными печатями; черноголовый, вытянувшийся Иван смотрит на него.

— Наталия! Анастасия! Буде на первый раз, — призвал хозяин. — Ишшо долго реветь нам таперя. Второй пакет открывать али отложить до завтра? Может, сперва оплачем одного?

Поддавив рыдания, вытираясь концами платков, Анастасия Евстигнеевна с невесткой подошли к столу, напряженно ждали. Батюшка Лебедь глянул на них, матюгнулся неизвестно в чей адрес, сорвал печати — большой лист гербовой бумаги с распростертым во всю ширину водянистым знаком державного орла с короною, а сверху жирный оттиск: «Ставка Командующего Северо-Западным фронтом его высокого превосходительства генерала Я. Г. Жилинского».

У батюшки Лебеда мелко тряслись руки.

«Многоуважаемый младший урядник Енисейского казачьево войска господин Василий Васильевич Лебедь». Многоуважаемый! У батюшки Лебеда прыгали перед глазами машинописные строчки. Глядя на лист, вдруг понял: бумага вовсе не о Василии! Про подвиги Ноя в Восточной Пруссии...

Четырежды награжден Георгиями!..

Переведа дух, достал кожаный кисет, свернул самокрутку, прикурил и глубоко затянулся крепчайшим самосадом.

«По личному соизволению его сиятельства, великого князя...»

Схватился руками за голову и, сотрясаясь мощным телом, разразился рыданием:

— Господи! Неслыханный подвиг свершил Ной! Как батюшка мой под Плевною и Шипкою! Славен наш Ной перед государем и отечеством! — Рывком отодвинул от себя стул — тарелка слете-

ла, разбившись, но никто не слышал звона: домочадцы испуганно смотрели на батюшку, а он повернулся лицом к божнице, упал на колени. — Да ниспошли мне, Господи, прозрения и твердости духа, каким ты осенил сына мово Ноя. В полные георгиевские кавалеры вышел!..

Из того же гнезда, откуда только что вылетел черный ворон, порхнул по дому сизокрылый голубь; печаль и радость в один и тот же час!

Справили Лебеди панихиду по убиенному сыну Василию, а тем временем прибыло уездное начальство чествовать георгиевского кавалера Ноя Васильевича Лебеда.

Отлили сентябрьские дожди, начались первые заморозки, и тут пришло скупое письмо от самого героя. Земные поклоны батюшке и матушке, брату Ивану, сестренкам, горькое соболезнование невестке и осиротевшим племянницам, твердости духа всей семье в годину тяжких испытаний, а в конце:

«Из бумаги штаба Ставки командования фронта вам все известно — о том писать не буду. Пеплом присыпало душу от того боя, в котором сгиб мой дорогой брат и наши солдаты; чрез неслышанный огонь прорвались мы с пулеметною командою, чтоб выскочить из ада. И нету мне утешения по сей день — черная печаль укутала душу...»

Минул год, и еще год; от Ноя приходили скупые письма. В хорунжие вышел, командовал сотней в том же 1-м Енисейском полку, трижды пополненном, и вдруг — никаких вестей.

В марте 1917 года докатилось до Таштыпа: свалился царь с престола, и настала в России такая заваруха, что во всей станице ума не нашлось, чтоб рассудить: что к чему свершается?

Батюшку Лебеда избрали на станичном кругу атаманом, и он не посрамил себя. Призвал на службу всех бракованных и стариков тряхнул, чтоб отстоять свои исконные привилегии, если, не ровен час, власть временная обернется супротив казаков.

Но власть временная милостиво обошлась с казаками: как жили, так и жить будут. Да вот есть в России партия неких большевиков, от них, дескать, беды ждать надо. А посему стотавливайтесь.

В июле, до страды, казачья сотня атамана Лебеда погрузилась на баржу в Минусинске и в Красноярск приплыла на подмогу комиссариату Временного, чтоб в страхе держать смутьянов и этих самых большевиков.

По первоснежью ударило — не морозом, хуже! — большевики в Петрограде захватили власть. «Экое, Господи прости! — кряхтел атаман Лебедь. — Сохрани сына мово, Ноя, Мать Пресвятая Богородица!..»

Сколько раз батюшка Лебедь выстаивал долгие молитвы в Покровском соборе Красноярска, вскидывая глаза на святого Георгия Победоносца, поражающего копьём змия: «Святой Егорий, нету угрева мне, нету известия. Игде сын мой радостный, Ной? В живых ли он пребывает али большевики прикончили его? Игде он, сын мой?»

И не было ответа батюшке Лебедю.

ВЕТРЫ И СУДЬБЫ

Сказание первое

Слово дано всем, мудрость души — немногим.

ЗАВЯЗЬ ПЕРВАЯ

I

Река катает камни, бьет их друг о дружку, шлифует, и камни становятся гладкими, круглыми или плоскими, и тогда говорят: обкатаны водой.

Людей обкатывает жизнь и время...

Ной сидит возле печки с открытой дверкой, изредка подкидывает в огонь по паркетной плитке и неотрывно смотрит на вздрагивающее пламя. Голова у него большая, лобастая, борода рыжая, кудрявая — медью медь лита, плечи в суконой гимнастерке — саженью меряй; на коленях, в рыжей замше и золоте, драгоценная шашка, гнутая коромыслом. Подживляя огонь, Ной перекладывает шашку, вздыхает, то выпрямится, то сгорбится, тяжело думает.

Ох-хо-хо!

Времечко!..

Не взять тебя в беремечко, не перенести с места на место.

Четверо сидят и думают...

Пятый поглядывает на думщиков со стороны, подкручивает смоляные метелки усов — и ни о чем не думает: ни к чему зазря мозги тревожить. Он, пятый, Санька — Александр Свиридович Круглов — всего-навсего ординарец хорунжего Ноя Лебеда, председателя полкового комитета.

Тайный центр заговора из Пскова уведомил: на 26 января 1918 года назначено восстание двух дивизий 17-го корпуса на Северном фронте, двух стрелковых полков в Петрограде, женского батальона на станции Суйда и, главное, начать восстание должен Сводный сибирский полк с артбригадой в Гатчине.

В комнате буржуйского дома тепло от жарко пылающей чугунной печки. Думщики пригрелись — сон морит. Опять-таки, решение надо обмозговать и дать ответ посланцу тайного центра сотнику Бологову. Штабисты во главе с выборным командиром полка

Дальчевским ловко вывернулись: пускай, мол, всю ответственность за восстание берет на себя чубатая дремучесть — полковой комитет.

Трое комитетчиков — Павлов, Сазонов и Крыслов, в казачьих шароварах с лампасами, думают всяк по-своему. Павлов — русский, усатый, стреляет глазами по думщикам, как бы в ожидании подсказки; Сазонов — пожилой казак, заросший сивою щетиной, с подрезанными усами и седеющей головой, развалился в кресле, вроде спит с открытыми глазами: всхрипнет со смаком, дрогнет, оглянется и опять примет прежнее покойное положение; Крыслов беспокойно вертится на резном стуле с высокой спинкой, то на лепной потолок уставится, то на готические своды двух окон с замысловатыми переплетами рам, то на трубу печки, вставленную в форточку, то на полированный стол с гнутыми ножками, на котором чинно расставлена дорогая фарфоровая посуда — тарелки, чашечки с блюдцами, тут же обливная кружка, алюминиевый котелок, в черных корках Евангелие, иконка Богородицы над столом, две полированные кровати под ворсистыми одеялами, пуховые подушки — экая уютность, язви его! Ловко окопался хорунжий со своим ординарцем. Должно, немало добра нашли в этом одноэтажном каменном доме, брошенном беглым буржуем. Не с пустыми руками уедут домой. А тоже, председатель полкового комитета!..

Ной посмотрел на массивные золотые часы «Павел Буре» с откидной крышечкой и золотой витой цепочкой: было без нескольких минут семь. По январю — ночь.

— Надумали? Починай, Иван Тимофеевич.

Крыслов прямится, оглядывается:

— Почему с меня? Как по старшинству — Сазонов пушай.

— Гутарь, Михаил Власыч.

— А што я? — просыпается Сазонов. — Какое мое старшинство?

Председатель всему голова.

— Потому и спрашиваю как председатель. Придет сотник — ответ надо дать.

Молчат. Прячут глаза за частоколом ресниц, и как будто не с них спрос.

— Два часа преем. Сколь можно думать?

— Не шутейное дело!

— Влезем по пояс, а потом и по горло.

— Опосля как будет, если дело не выгорит? — щурится Павлов.

— Поминки дома справят, вот как будет опосля, — ворочается Ной на стуле — припекло от печки, отодвигается вместе со стулом. — Гутарьте! Не на мирный майдан сошлись.

— Пуцай бы штаб с командиром.

— Штаб переложил на нас, как на комитет.

— Дык двух комитетчиков от солдат полка нету, — вспомнил Павлов, лишь бы оттянуть время. — Мы за казаков — само собой, а полк-то сводный. Половина на половину. Куда два батальона попрут?

— Без серой суконки тошно, — ворчнул Крыслов. — Мы ж договорились без них обсудить. По мне так: вроде бы приспело, а? Если в самом Петрограде два полка шатаются да еще артбригада, которая сейчас в Гатчине, да наш полк, да из Пскова подойдут две дивизии, как там ни суди — сила!..

Ной внимательно выслушал Ивана Тимофеевича, наклоняя голову то к правому, то к левому плечу.

— За восстание ты или против? — спросил.

— А при чем тут я-то? Не одной башкой решать!

— А если поддержка не подоспее из Пскова? И петроградские полки замешкаются? — спрашивает Сазонов, что-то соображая. — Тогда как будет?

— Всякому по Якову! — отрубил Ной. — Трех месяцев не прошло после мятежа генерала Краснова. Донцы шли! Отборное войско. Растрепали в пух-прах, а теперь новое восстание. Соображайте! Сами казаков шуруете: прикончить надо большевиков и так далее.

— Все едино не жить нам с большевиками! — зло сказал Крыслов, задиристый, что бойцовый петух. — Они ж наскрозь из суконки и мазутчиков, которым казаки с испокон века плетей всыпали. Али помилуют нас, когда укрепятся? У!

Заговорили, перебивая друг друга, и все в один голос: с большевиками в мире и согласии не жить.

— Стал быть, решили восставать? Подымайте руки!

Молчание. Рук не подняли. Сидят, посапывают, не глядя друг на друга.

Ной оглянулся на своего ординарца:

— Может, ты, Александр Свиридыч, решишь за нас?

— А што, Ной Василич? Моментом! Токо не в комитете я.

Крыслов ожил:

— Даем тебе право — решай!

Санька подкинул ребром ладони чернуший ус:

— По мне так: бежать надо отселева без оглядки! Из Гатчины — до Вятчины, а там через Урал в Сибирь, к себе домой. Вот и весь мой сказ. Пушай большевики сами по себе, а мы сами по себе. Нам с ними ни детей крестить, ни иордань святить. Пропади они пропадом!

— Что правда, то правда! — поддакнул Сазонов.

— В самом деле, чево мы тут прикипели, в Гатчине? — удивился Павлов, будто только что узнал, где он находится. — Со всех фронтов солдатня прет домой, а казаки и кавалерия — давным-давно с бабами постели мнут. Чего нам-то ждать?

— Шутейный разговор слышу! — остановил Ной. — А теперь скажу так: приспел час посмотреть нам на самих себя, какие мы есть спереду и сзади.

Комитетчики ждут. Интересно, какие же они с этих сторон?

Председатель продолжает:

— Какие мы есть спереду? Красные, как вроде клюквы или той брусники. Али не мы подняли оружие за Советы и за большевиков, когда нас пригнали в Петроград по приказу временных? Али не наши две сотни щипали донских казаков Краснова под Пулковом? Такие мы есть спереду.

Комитетчики шумно вздохнули. Эко разложил их председатель! А ведь в самом деле так оно и есть — клюква...

— Теперь глянем, какие мы есть сзади? Каждодневно шипим и дуемся на большевиков, которых мы же сами защищали. Слушаемся разных серых и офицерам поддакиваем, гнем линию к восстанию. Так или нет? С центром тайную связь держим. Так или нет? Какие же мы есть сзади? Белые. Только погонушки навешать — и сготовились. А разве не наскрозь белый наш выборный командир Дальчевский? Али он запомнил, что он есть полковник и должен быть при погонах с двумя просветами? Хэ! Он на свои карточки денно и ночью глядит! Там-то он припечатан в парадных погонах. Зовется эсером, а што это обозначает? Каким бывает туман, видели?

— Дак серый! — подсказал Санька.

— То и есть серые, туманные, — кивнул Ной, довольный тем, что сумел точно определить эсеров. — Ну а теперь скажите: разве можно жить на два цвета? Красными и белыми? Поглядят на нас большевики, какие мы есть сзади, — влупят! Ну а как из тайного центра захватят власть, как думаете: запомнят, какими мы показали себя большевикам спереду? Опять влупят!

У комитетчиков чубы повисли.

— Теперь скажу про диспозицию, какую выработал тайный центр. За январь месяц в третий раз приезжают к нам офицеры из центра, шуруют в полку, а мы — глаза вприжмурку. Бологов красиво гутарил про дивизии, да враки все. Нету дивизий в Пскове и на Северо-Западном фронте, какие сготовились идти на Петроград. Дезертирство кругом, офицеры шелкают по взводам и ротам. И чтоб солдаты пошли в такое время за восстание за бывших благородий? Хо-хо! Смехота. Или те два полка в Петрограде... Что же они не восстали?

Молчание. Тягучее, клейкое, как смола.

Ной доканывает:

— Стал быть, на кого надежду имеет тайный центр? Да на наш сбродный полк! Еще на эту артбригаду, какая из Павловска прибыла в Гатчину на передислокацию, как у них там что-то произошло, и теперь их чистят.

— Пятерых офицеров арестовали у них позавчера, — сообщил вездесущий Санька, поддерживая командира. — А комиссаром к ним поставили большевичку из Петрограда, ей-бо! Селестина Грива по фамилии, из Минусинска будто бы. Сама в кожаной тужурке под матросским ремнем, с револьвером, в папахе, ей-бо! Глаза чернущие, а лицом белая. Спросила: из какой станицы я, много ли казаков Минусинского уезда? А я ей: «А вам какое дело?»

Сазонов тоже вспомнил:

— Погоди, Сань. Гришь, в кожаной тужурке и в солдатской папахе? Тогда я ее знаю. Приходила в нашу казарму, газету еще читала, про мировых буржуев чтой-то. Комиссар наш с ней был. А потом со мной разговор поимела. Интересовалась: знал ли я полковника Дальчевского по Красноярску, когда он ишшо был сотником? Я тут смикитил: подбирается, стерва, к девятьсот пятому году!..

Ной выпрямился, как аршин заглотнул:

— А что было тогда в Красноярске?

— В Красноярске-то? Дак Советы! Всю власть в городе захватили. Али не слышали, Ной Васильевич? У-у!

— Так разве Дальчевский был там на подавлении восстания?

— Сотней командовал, слышал, — виновато бормотнул Сазонов, опустив голову: сам был в той сотне карателей.

— Та-ак! — Ной поставил шашку промеж ног, навалился на эфес грудью. — А теперь подумайте: тогда он подавлял революцию, рубил всех социалистов под корень, а таперь социалистом себя навличивает!

Павлов сказал о подслушанном разговоре Дальчевского с офицерами, будто в Ленина стреляли, когда он ехал в автомашине, и тяжело ранили и что Ленин недолго, мол, протянет.

— Смехота! — покачал головой Сазонов, любивший поспорить по любому поводу. — За это время, Яков Георгиевич, покель мы стояли в Петрограде и вот в Гатчине, Ленина пять раз убивали, сто раз свергали, а он все жив-здоров и отряды Красной гвардии гарнизует.

— Живой, конечно!

— Да вот у меня — семь ранений. Два пулевых, одно от мины, одно от пики и три от шрапнельных снарядов. А чаво? Затянуло, заросло и крепше стало, — сказал Крыслов.

— Кто-то в окно глядит! — насторожился Санька.

Все оглянулись на окна — никого. Санька божится:

— Истинный Бог, видел! По обличности женщина, токо в шапке! Думщики заметно перетрусил.

— Щупают нас, кажись! — шипит Крыслов.

— Хоть бы окна чем завешали!

— На такие окна по три одеяла на каждое потребуется, — отвечает Санька.

Ной взял со стола стеклянную лампу под зеленым абажуром и поставил ее под стол. В комнате сразу стало сумрачно.

— Вот сейчас мы доподлинные подпольщики, — ошарашил и без того перепуганных комитетчиков. — А вы как думаете? Большевикам головы рубить сготавливаемся, а они бы сидели и ушами хлопали? У них теперь ЧК. Думаю так: удержать надо полк от свары! Пускай начинают петроградские.

— В самом деле, пуцай они! — подхватил Сазонов. — К чему нам? Ни к чему. Первым завсегда дают по шее.

II

Послышались шаги за дверью. Кто-то шел по пустому дому к единственной жилой комнате председателя.

— Помолчим покуда, — предупредил Ной. — До отхода поезда на Псков часа два. Тянуть надо.

Вошел сотник Бологов — посланник центра, а с ним... две женщины!

Ной встал, и комитетчики поднялись.

— Что вы лампу спрятали? — спросил Бологов.

Женщины стояли у двери. Высокая, в папахе, бекеша ниже колен, в пимах, а с нею — в обрезанной шинели и в ушастой шапке, ростом чуть ниже. Бологов представил:

— Познакомьтесь, служивые. Командир женского батальона, — показал рукой на высокую, но ни фамилии, ни имени-отчества не назвал. А про ту, что в шинели, — ни слова.

Высокая, в бекеше, сама подала руку хорунжему Лебедю:

— Юлия Михайловна, — назвалась. — Рада с вами познакомиться, господин хорунжий. Как вас? Ной Васильевич! О, какой же вы истинно русский богатырь-силушка! Добрыня Никитич.

— Никак нет, — отверг Ной. — Не сродственник Добрыни Никитича. Присаживайтесь, коль в гости пришли. Милости прошу. — И подал стул.

Юлия Михайловна будто не слышала приглашения, ввинчиваясь сине-синими глазами в Ноя, точно просвечивала его нутро. Ной выдержал дерзкий взгляд. Экая баба укладистая! Лицом молодая, не схудалая. Из-под белой каракулевой папахи выбились прядки русских волос. В душу лезет, язва! А за ее спиной черноглазая хоронится. Что-то неладное. Не ловят ли их, доверчивых комитетчиков?

Санька меж тем, поставив десятилинейную лампу с начищенным стеклом на стол, подозрительно взглядывал на черноглазую. Именно она смотрела в окно! В шапке, точно! Она самая. Так, чтобы никто не заметил, толкнул локтем командира; Ной уразумел — предостеречься надо.

— Когда из батальона? — сухо спросил командиршу.

Дуги бровей Юлии Михайловны круто выгнулись.

— Вы, кажется, не доверяете? Скажите же, Григорий Кириллович, — оглянулась на Бологова.

— Тут нет подвоха, господин хорунжий, — заверил Бологов. — Наши люди.

Ной глянул на черноглазую в шинели, спросил:

— Вы смотрели в окно?

Командирша хохотнула:

— Ах вот в чем дело? Она заглянула. Моя пулеметчица. Не беспокойтесь. Мы должны быть крайне осторожными.

— Угу. — И — никакого доверия.

— Познакомьтесь, пожалуйста, с членами комитета.

Ной Лебедь представил. Юлия Михайловна пожала всем трем руки.

— Я не задержусь у вас, — сообщила, не садясь на стул. — Подошел поезд на Петроград. Пока на паровоз грузят дрова, зашла к вам, чтобы познакомиться. Нам выпала великая честь освободить Россию от власти узурпаторов-большевиков. Сейчас самый удачный момент: на Дону восстали казаки, в Оренбургском войске не признали большевиков, в Екатеринбурге беспокойно, в Малороссии — немцы, а по всем губерниям восстания крестьян. Надеюсь, вы знаете, какие переговоры ведут совнаркомовцы с немцами в Брест-Литовске? Они готовы пожертвовать половиною России, только бы выиграть момент и удержаться у власти. Ужасно! Ужасно! Сейчас или никогда!

— В каком смысле «сейчас или никогда»? — не понял Ной.

— Выгнать большевиков из Смольного!

— Угу.

Комитетчики поддакнули: гнать большевиков в три шеи! Ко всем чертям, чтобы под носом не пахло.

— Вы от серых, следственно?

У командириши глаза округлились.

— Каких серых?

— Партия, кажись.

— Нет, я не эсерка. Да это не столь существенно в данный момент.

— Кого вместо большевиков в Смольный?

— Никого! Институт благородных девиц — не для правительства великой Российской империи. У нас есть Зимний дворец.

— Царя, стал быть?

— Почему — царя! Я лично не за монархию. Созовем съезд Учредительного собрания, а там решим, какое будет правительство.

— Угу, — кивнул Ной, а себе на уме: «Экая суматошная баба! Учредилкой давно насытились, а она только что проснулась. И ведь беды наделает, ежели не спеленать ее по рукам и ногам».

— Будьте покойны, Ной Васильевич, — разошлась командирша, — у меня рука не дрогнет, когда встретимся в бою с большевиками! У меня с ними особые счеты, хотя я в данный момент формально являюсь членом РСДРП фракции большевиков. Но это всего-навсего необходимый маневр.

— Угу! — А на уме: «Ну и стерва! Этакая баба к чужому мужику будет бегать на свиданку, а про своего скажет, что вышла за него замуж по необходимому маневру, штоб в распыл его пустить вместе с куренем».

Смолчал. Слушал.

— Вы тут с Григорием Кирилловичем обсудите план нашего восстания, а я сейчас еду в Петроград, побываю в двух полках. У меня там есть свои люди. Главное — Смольный! Взять его надо именно сейчас, пока немецкое командование не подписало мир с делегацией большевиков. Ваш полк, как меня заверили, надежнейший.

— В каком понятии?

— Подготовлен к восстанию. Крикунов придется убрать, конечно. И вот еще артбригада. Пятерых офицеров арестовала ЧК, слышали?

— Угу.

— Но в артбригаде есть наши люди — батарейцы исключительные. Сейчас к ним поставили комиссаром Селестину Гриву — опаснейшую тварь! Она была в нашем батальоне. До прихода к власти большевиков маскировалась под демократку. Но я ее еще тогда заподозрила! Оказалось, что она еще при Временном правительстве была агентом большевиков на фронте и выполняла особые поручения. Надо ее во что бы то ни стало обезвредить! — Липуче приглядываясь к богатырю Ною, дополнила: — Ну, я рада знакомству! Надеюсь на вас, Ной Васильевич! И на вас, служивые!.. От всей души желаю удачи!

И, как того никто не ожидал, Юлия Михайловна сперва обняла Крыслова, поцеловала, потом Павлова, Сазонова, а тогда уже вскинула руки на плечи Ноя, прижалась к нему грудью, опалив обе щеки долгим поцелуем — жаром ударило в голову..

III

Комитетчики умилялись: ах какая приветливая, истинно русская женщина командирша батальона! Такая женщина сто сот стоит. Бабой не называли — куда там! Крыслова слеза прошибла: вот уж казачка так казачка! Боголов поддакивал: Юлия Михайловна — умнейшая женщина, отважнейшая, а по части подпольной тактики — зубы съела, большевиков изучила досконально.

Санька поставил на буржуйку чайник, чтоб попотчевать гостя.

Ной все это время помалкивал, примостившись на стуле у стены возле кровати; шашка лежала на его коленях.

Думал...

Время неторопливо шло...

Комитетчики с командирши перекинулись на своих жен-казачек, у кого какая, про ребятишек вспомнили, про хозяйства, неслыханную разруху, про скудные пайки, не забыли о питерцах, как они пухнут с голоду и вымерзают без дров, и что даже в Смольном будто жрут неободранное просо и овес — толкут в ступах, парят в котлах, и что если дальше так будут харчеваться, заржут, не иначе, от конской кормежки.

Бологов разделся, охотно рассуждал с комитетчиками, любовался фарфоровыми чашками — тончайшими, узорными, добытыми ординарцем Ноя в тайнике каменного дома.

— Который час? — спохватился он. — Ого! Четверть девятого. Скоро будет поезд на Псков.

Ной успокоил:

— Поезда ноне ходят, как им вздумается. Услышим гудок — станция близко. Чаевничайте, Григорий Кириллыч.

— Такого чаю давно не пил, — сказал Бологов. — Где вы раздобыли?

— Фронтовые трофеи допиваем.

Но надо же и главный вопрос решить!..

— Ну так с чего начнете? Думаю, надо сразу поднять весь полк. Прежде всего казаков. Я разговаривал с офицерами — обижаются на комитет. Напрасно вы их обходите. Надо к ним прислушиваться, господин хорунжий. Не собирать их, понятно, но с каждым в отдельности надо войти в контакт. Прежде всего свяжитесь с поручиком Хомутовым.

— В нашей казарме проживает, — сказал Павлов, представитель оренбургских казаков.

Бологов достал портсигар и хотел закурить.

— Попрошу не курить, Григорий Кириллыч, — остановил Ной без стеснения. — Табачного дыму не переносу.

— Не курите? Извините. — Бологов поморщился.

— Не курит и не пьет, — пояснил Крыслов. — Скажи на милость, Ной Васильевич, как ты не приучился курить?

— Ни к чему, Иван Тимофеевич.

— Дык на позиции-то как без курева! Хоть красное-то вино потребляешь?

— Для шалелости пьют, Иван Тимофеевич, а к чему мне из памяти выскакивать?

— Гляди ты! — зудит дальше Крыслов. — И по бабенкам не горазд, слышал?

ОГЛАВЛЕНИЕ

Бытие рыжих лебедей	7
ВЕТРЫ И СУДЬБЫ. <i>Сказание первое</i>	17
МЕРОЮ ЖИЗНИ. <i>Сказание второе</i>	363